

В 1915 году Б.Я. Владимирцов во время поездки по Северо-Западной Монголии посетил долину реки Тэс. Здесь он обнаружил и скопировал небольшую наскальную руническую надпись. Затем он начал готовить её к изданию, которое, однако, так не было тогда осуществлено. В 1969 и в 1975 годах нам удалось повторно обследовать, а вслед за тем и опубликовать эту надпись. [1] Имя автора и героя надписи Тюпек (Тюпеш?) Алп Шул сопровождалось двумя тамгами, основная из которых совпадала по начертанию с одной из тамг наверхия Селенгинского камня (стела из Шине Усу), то есть с родовым знаком уйгурского Элетмиш Бильгекагана (747-759). [2] Это обстоятельство как будто укалывает на принадлежность Тюпек Алп Шула к уйгурскому правящему роду Яглакар и во всяком случае, с еще большей степенью вероятности, датирует эту наскальную надпись второй половиной VIII — началом IX века.

Одновременно, в 1974-1975 годах, нами было завершено прочтение Терхинской надписи — самого раннего из сохранившихся камнеписных памятников уйгурской эпохи, воздвигнутых по повелению Элетмиш Бильгекагана. [3] В начальных строках Терхинской надписи говорится об

(76/77)

учреждении летней ханской ставки в верховьях реки Тез, то есть в верхнем течении реки Тэсийн-гол (Тес-хем): «(1)... Тогда я повелел поставить (свою) ставку на западной границе Отюкена, в верховьях (реки) Тез. Там, в год барса (750) и в год змеи (753), (2) я провёл два лета. [4] Обе большие надписи Элетмиш Бильгекагана, Терхинская стела и Селенгинский камень, упоминают о сооружении в ханских ставках камнеписных памятников с надписями и знаками (тамгами). Поэтому фиксация в долине Тэсийн-гола уйгурской ханской тамги и сообщение о сооружении в «верховьях Тез» летней ставки Элетмиш Бильгекагана делали поиск рунических надписей середины VIII века в верхнем течении этой реки весьма перспективным.

Летом 1976 года, в соответствии с планом полевых работ Советско-монгольской историко-культурной экспедиции, мы, вместе с двумя сотрудниками Института истории Академии наук Монгольской Народной Республики С. Харжаубаем и А. Очиром начали целенаправленное изучение района верхнего течения Тэсийн-гола (Хубсугульский аймак МНР). Поиск велся от истоков Тэсийн-гола близ озера Сангин Далай-нур (абсолютная высота 2250 м) до выхода этой реки из обширной тектонической котловины севернее озера Джугдий-нур. Протяжённость зоны поиска составляла 170-180 км с востока на запад и 40-50 км с юга на север. Здесь, в Западном Хангае, между лесистыми отрогами хребта Булнай и гранитным нагорьем Сангилен, расположена широкая долина верхнего Тэса. Река, будучи не очень широкой, делает причудливые зигзаги и зачастую распадается на многочисленные протоки, обводняя значительную территорию горной степи, с многочисленными мелкими озёрами и гранитными сопками. Богатые пастбища и обилие воды позволяют содержать здесь большие стада. Многочисленные погребальные памятники древних и средневековых кочевников свидетельствуют о давнем использовании здешних пастбищ скотоводами Северной Монголии.

В ходе поисков нами были обнаружены два крупных могильника тюркской эпохи (VI-VIII вв.), один из которых, расположенный в 10 км к северо-западу от центра Цэцэрлэг-сомона, насчитывает тридцать каменных курганов и поминальных оградок с цепочками балбалов; были найдены также обломки двух каменных изваяний. В другом таком же могильнике в местности Худжирт-нурийн-ам (территория Цаган-уул-сомона), кроме курганов и оградок с цепочками балбалов, был обнаружен погребальный комплекс с «саркофагом», установленным на земляной платформе (6х6 м), окружённой рвом. Именно здесь, в Худжирте, местный житель Л. Цэдэв сообщил нам, что близ холма Ногон-толгой, на левом берегу реки Тэс, лежит обломок камня, покрытый знаками.

Камень — блок красноватого гранита, прямоугольный в сечении, с обломанным штырём на одном конце и со следами старого излома на другом, оказался частью стелы с древнетюркской рунической надписью по четырём сторонам. Камень лежал на открытой равнине, полууглублённый в землю. [5] Никаких других частей стелы или её основания (каменной черепахи?), несмотря на тщательные поиски, ни в 1976-1977, ни в 1980-1982 гг. обнаружить не удалось.

(77/78)

В 1976 году стела была передана нами в Хубсугульский аймачный музей. В том же году она была перевезена в Улан-Батор и ныне хранится в Институте истории Академии наук Монгольской Народной Республики.

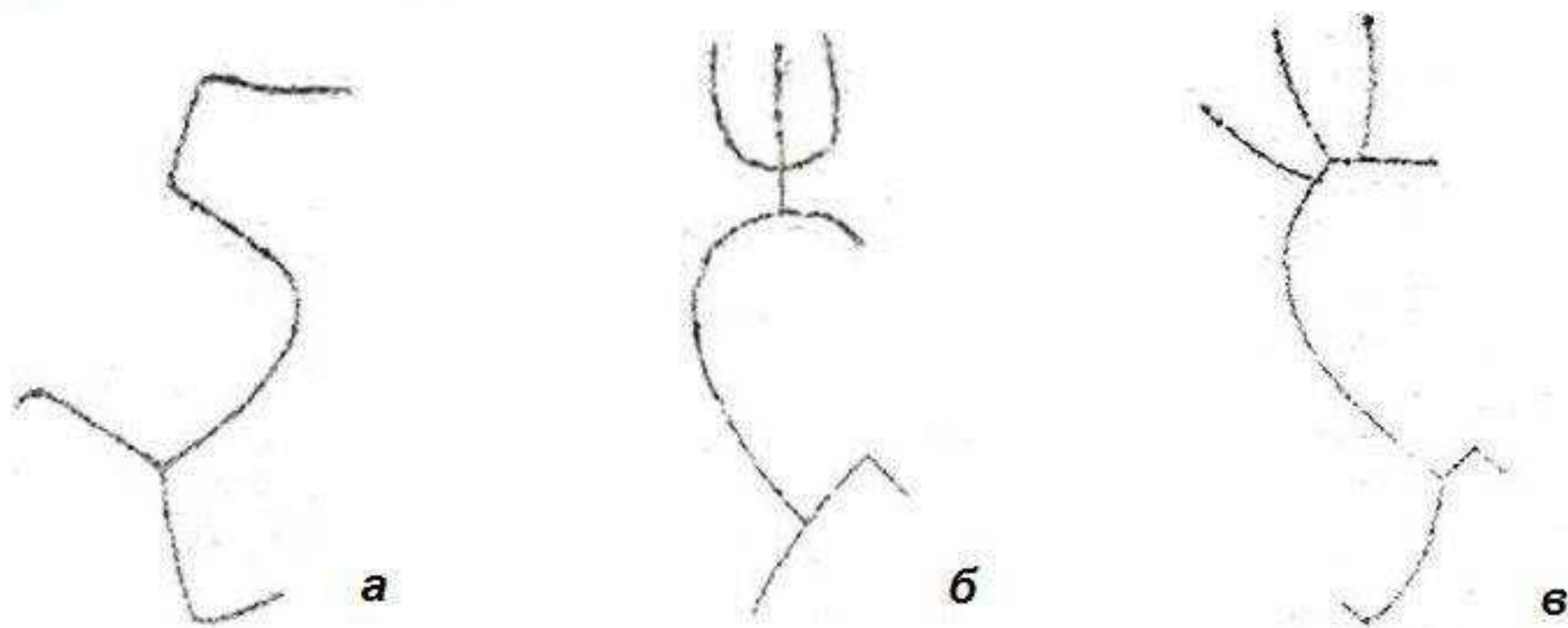
* * *

Основываясь на сообщениях местных жителей, утверждения которых, впрочем, были весьма противоречивы, можно было предположить, что памятник ещё в недавнем прошлом лежал на холме Ногон-толгой, где в 1981-1982 гг. нами были проведены раскопки. Холм оказался насыпным искусственным сооружением полусферической формы. Его размеры по оси С-Ю 37 м, по оси З-В 46 м, высота около 1,5 м. В западной части холма имеется пологий пандус (8-9 м). После снятия почвенного покрова было обнаружено, что холм и пандус покрыты двойным рядом из пахсовых блоков. Первоначально сооружение имело вид усечённой пирамиды с пологим подъёмом с её западной стороны. Под пахсовым слоем, на глубине 0,75-0,8 м, было обнаружено кострище диаметром 0,8-1 м, в нижнем слое которого сохранились шесть лежащих параллельно друг другу обугленных брёвнышек диаметром 5-8 см; верхний слой кострища составляли мелкие угли. Костер горел, по-видимому, интенсивно, но недолго, так как большая часть дерева не догорела; очевидно, огонь был засыпан. Под кострищем обнаружено несколько конских и бараньих костей и грубый керамический черепок от сосуда ручной лепки. Видимо, после сооружения холма и до покрытия его двойным пахсовым слоем здесь было совершено ритуальное сожжение жертвенного мяса.

Поскольку на холме не удалось обнаружить основания стелы, предположение, что именно на этом месте и был воздвигнут памятник, остаётся недоказанным. Вместе с тем, сходство Ногон-толгой с таким же сооружением, на котором была установлена Терхинская стела, позволяет предположить, что насыпная усечённая пирамида с пандусом, укреплённая пахсовым покрытием, и каменная стела с рунической надписью были частями единого сооружения, остальные элементы которого, в том числе и основание стелы, были впоследствии утрачены.

В 3 км к юго-западу от Ногон-толгой находится аналогичный по форме земляной холм Хул-толгой, вдвое меньших размеров и высотой в 1 м. С западной стороны холма также выступает короткий «язык» — пандус. Небольшой шурф, заложенный в 1961 году, показал, что и этот холм искусственного происхождения.

Обнаруженная нижняя часть Тэсинской стелы — гранитный прямоугольный в сечении блок длиной в 0,86 м, с шириной граней 0,32 и 0,22 м, разлинован по поверхности, как и Терхинская надпись, продольными строчными бороздами. Между бороздами нанесена надпись руническим письмом: по широким граням — в шесть строк, а по узким — в пять на каждой грани. Общая длина сохранившегося поля письма (длина сохранившихся частей строк) — 0,76 м. Высота знаков 3,5-4 см. Знаки врезаны в камень в той же профессиональной манере, которая характерна для Терхинской и Селенгинской надписей, их палеография практически совершенно однородна, в чём нетрудно убедиться. В нижней части стелы, на одну из узких граней нанесена тамга, близкая, хотя и не идентичная по типу, тамгам, имеющимся в нижних частях Терхинского памятника (на тулове черепахи) и стелы из Шине Усу (см. «Советская тюркология», 1980, № 3, стр. 84, рис. 2). Можно предположить, что все три тамги являются знаками создателей памятников. (78/79)

а — Тамга на нижней части южной стороны Тэсинского памятника. б — Тамга на тулове черепахи-постаменты Терхинского памятника. в — Тамга в нижней части южной стороны памятника из Могон Шине Усу.

По аналогии с расположением строк на Терхинской стеле, функционально однозначной Тэсинской и достаточно близкой ей по времени (их разделяет 6-8 лет), возможно, несколько условно, обозначить широкие стороны Терхинской стелы как восточную и западную, а узкие — как северную и южную. С учётом расположения авторской тамги можно считать сторону с тамгой Тэсинской стелы, как в случае с памятником из Шине Усу и Терхинским памятником, — южной, а инициальные строки, как и на Терхинском памятнике, нанесёнными на западную грань. Тогда тамга создателя памятника на Тэсинской стеле станет как бы дополнительным обозначением конца надписи.

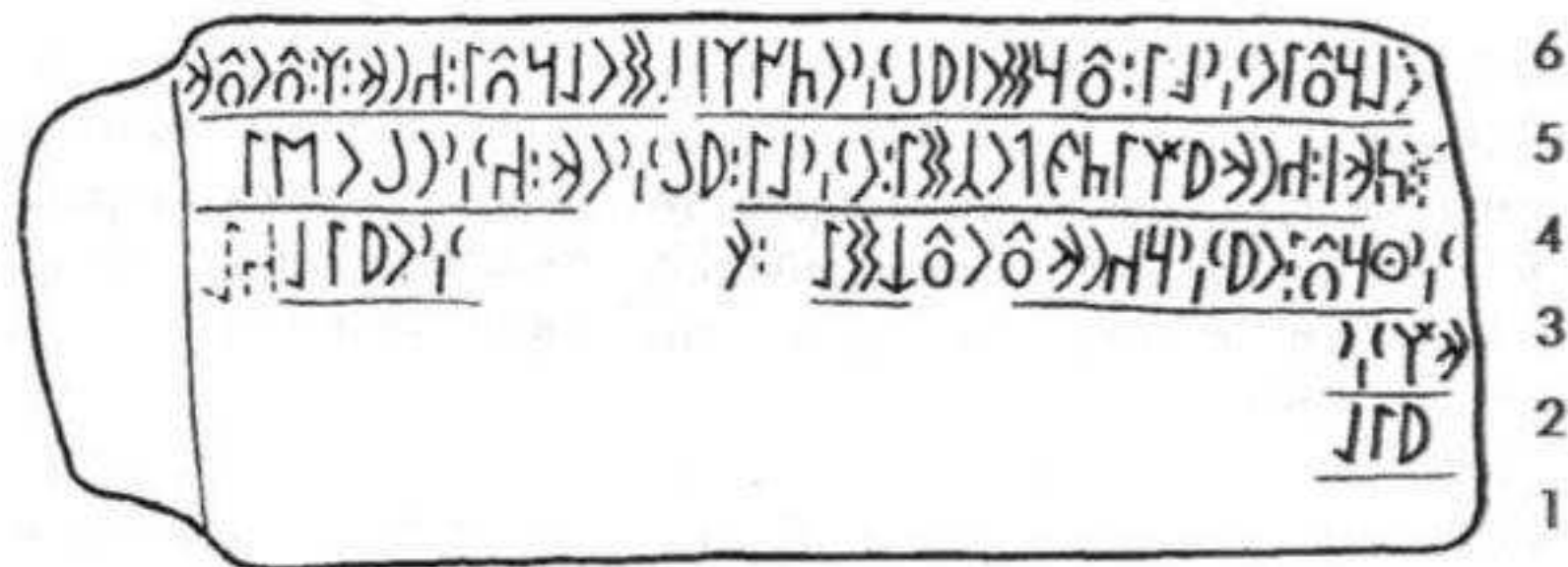
К сожалению, именно на западной стороне утрачена нижняя (начальная) строка. Ещё одна строка, проходящая по верхней кромке южной стороны, то есть конечная строка надписи, также полностью разрушена. Таким образом, сохранившаяся часть стелы содержит концевые части двадцати из первоначальных двадцати двух строк. Каждая сохранившаяся строка является лишь половиной или менее того от полной строки; плохо сохранилось и значительное число знаков, поэтому доступная чтению часть надписи вряд ли составляет более одной трети или даже одной четверти от первоначального текста памятника. Это существенное обстоятельство весьма ограничивает возможности интерпретации описываемых в надписи событий.

***

Тэсинская надпись стала объектом изучения наших монгольских коллег — покойного М. Шинэху и С. Харжаубая. Оба они, без каких-либо комментариев и оценок, а также без точных воспроизведений рунического текста, опубликовали своё прочтение и перевод надписи на монгольский язык. [6] С. Харжаубай предложил также и русский перевод. О методике своей работы С. Харжаубай замечает: «Для того, чтобы перевод был наиболее полным и ясным, нами была предпринята попытка сопоставления каждого слова текста с однокоренными словами классического монгольского письма и казахским языком, являющимся одним из живых

(79/80)

Западная сторона

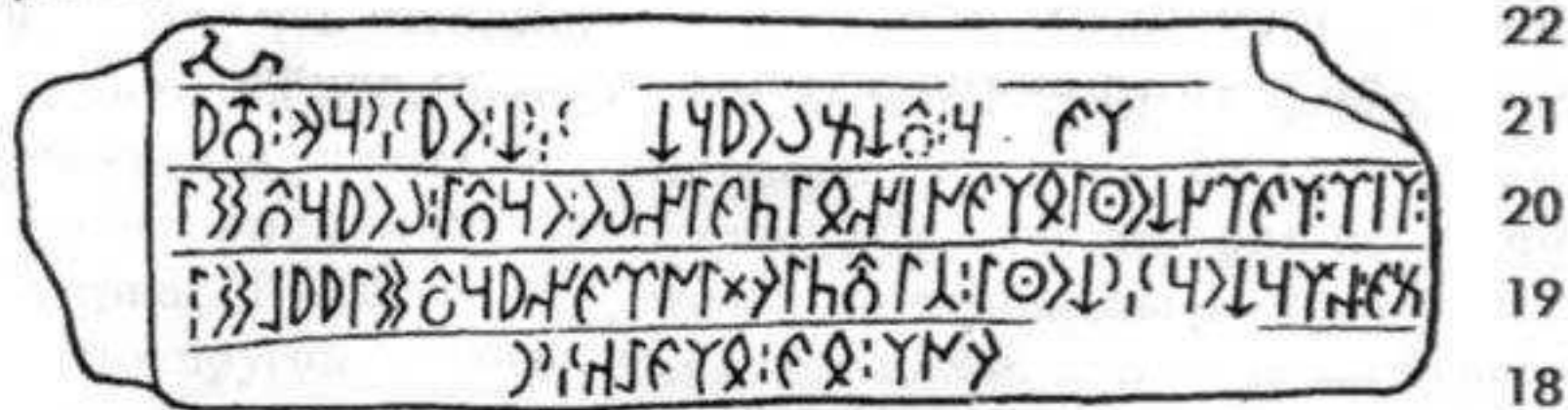
Северная сторона

11
10
9
8
7

Восточная сторона

17
16
15
14
13
12

Южная сторона

Надписи на четырёх сторонах стелы.

[от сайта: вместо скана некачественной таблицы из журнала использован полный аналог из: Кляшторный, Савинов 1994: 91] (80/81)

диалектов древнетюркского языка». [7] В соответствии с лексикой и грамматикой монгольского языка интерпретирует памятник и М. Шинэху.

Коренное различие исходной точки зрения на язык рунических памятников и возможности их интерпретации не позволяет нам обсуждать предложенные монгольскими коллегами методики и достигнутые ими результаты. [8] Нами лишь были исправлены ошибки, допущенные при атрибуции рунических знаков. Несходство предложенной здесь интерпретации с двумя предыдущими вполне очевидно и не требует пояснений.

***

Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам текста, структура Тэсинской надписи вполне подобна той, что была использована при создании текста Терхинской стелы. Следует отметить вполне очевидную особую близость начертаний знаков Тэсинской стелы и знаков Терхинской надписи. Различия в начертания некоторых знаков этих двух памятников и памятника из Могон Шине Усу незначительны. Переходные формы к более вычурным начертаниям знаков, характерным для Карабалгасунской надписи, проявляются лишь в немногих особенностях письма Сэврэйского камня.

Первая часть Тэсинской надписи, наполовину разрушенная даже в сохранившейся части стелы, содержит тем не менее достаточно указаний на основной сюжет памятника — воцарение наследника Элетмиш Бильге-кагана. В преамбуле надписи (стк. 1-6) Элетмиш Бильге-каган упомянут дважды: в стк. 5, где он назван «мой Элетмиш-хан», сказано о его кончине, а в стк. 4 он именуется «мой уйгурский хан» и о его правлении говорится как о событии недавно минувшего времени. Далее сообщается о восшествии на престол его сына-наследника, который назван «мой ябгу». Еще раньше, в стк. 3-4, описан сам ритуал интронизации — новый каган «был поднят (на войлоке)». По канону изложения, полностью сохранившему Терхинской надписью и, в достаточной степени, надписью из Шине Усу, первые две строки должны были и в Тэсинской надписи содержать полное тронное имя кагана и его супруги-катун, дату их восшествия на престол (стк. 2 — «в год...»), указание места каганской ставки или интронизации кагана. Возможно, были упомянуты события из жизни нового кагана до его восшествия на престол. Сохранилась дата одного из таких событий — «год курицы», то есть 757 год.

«Год курицы» был весьма знаменателен для истории нового Уйгурского государства. Именно тогда могущественная Танская империя на многие годы попала в зависимость от военной помощи уйгурских каганов. В 755 году китайский пограничный военачальник, выходец из знатного тюрко-согдийского рода, Ань Лушань, поднял восстание в Фаньяне. [9] Его армия, состоявшая главным образом из конницы тюркских федератов империи, одерживала над императорскими войсками победу за победой. Император бежал на юг, а обе столицы Лоян и Чанань перешли в руки восставших. В этот критический момент танский двор обратился за помощью к Элетмиш Бильге-кагану. Уйгурская конница, прибывшая в Китай в июле 757 года, нанесла поражение восставшим. Ань (81/82)

Лушань погиб. [10] Восстание не было полностью подавлено, но императорская власть была восстановлена в значительной части страны. В декабре 757 года, получив обещанное вознаграждение, уйгурский экспедиционный корпус вернулся обратно, чтобы принять участие в походе на кыргызов (758 г.).

Уйгурским войском во время похода в Китай командовал старший сын Элетмиш Бильге-кагана. Китайские историки называют его *йеху*, то есть *ябгу*. [11] Его собственное имя не упоминается. В Терхинской надписи он назван Кутлуг Бильге-ябгу (стк. 12). Вскоре после победоносного похода он был обвинён в попытке поднять мятеж и казнён по приказу отца, титул ябгу и право на престолонаследие перешли ко второму сыну Элетмиша. Он и был «поднят на войлоке» после смерти отца в мае 759 года. [12] Упоминание «года курицы» в этом контексте может означать, скорее всего, что второй сын Элетмиша также участвовал в первом китайском походе, а в Тэсинской надписи, посвящённой его интронизации, он прославляется, в отличие от своего старшего брата, чьё место занял.

События, связанные с походом в Китай, более подробно изложены в надписи из Шине Усу (западная сторона, стк. 3-5). К сожалению, эта часть надписи очень пострадала от эрозии. Сохранилось упоминание о каком-то контакте кагана с «китайским ханом», о посылке «тысячного отряда», о возвращении кагана «в свою юрту». Затем следуют слова: *taquu jula oylutun...* 'в год курицы, моего сына (или: моих сыновей)...'. [13] В стк. 6 цитируются чьи-то обязательства и клятвы, которые были нарушены. [14] Может быть, здесь шла речь о самовольных действиях (мятеже) старшего сына кагана.

После успешного похода на кыргызов, Элетмиш получил согласие на свою просьбу о браке с дочерью императора. Сразу же, в августе 758 года, в Китай было послано новое вспомогательное войско, которым командовал Гучжо-деле, то есть Кут[лут]-чор-тегин, один из близких родичей кагана. [15] Уйгурское войско потерпело поражение в битве с мятежниками и бежало с поля боя. Нигде не упоминается об участии сыновей кагана в неудачном походе.

Принца, ставшего наследником Элетмиша, китайские источники именуют Идигянь, а Терхинская надпись, автором которой он был, называет его Бильге-таркан (стк. 12) и Кутлуг таркан-сенгун (стк. 14). Вероятно, имя Идигянь (тюрк. *idi kenč? букв. 'господин-мальчик') было детским именем принца, а его полное мужское имя (ег аты) — Кутлуг Бильге-таркан-сенгун. [16] В 758 году он стал ябгу. В Терхинской надписи упомянуто, что Кутлуг таркан-сенгун «со славой» победил «многие народы» (стк. 14). Согласно танским династийным хроникам, по восше-

(82/83) ствии на престол принц получил имя Мауюй-кэхань, то есть Бёгю-каган (bögü qaγan 'мудрый каган'). Этим же именем он назван в согдийской версии Карабалгасулской надписи (821 г.). [17] Китайские источники содержат и другие варианты его тронного имени: Тенгри-каган, Тенгри Эльтутмыш Алп Кюлюг Бильге-каган и, самый полный вариант, в китайской версии Карабалгасунского памятника — Тонгриде Кутболмыш Эльтутмыш Алп Кюлюг Бильге-каган. [18] После ещё одного похода в Китай (762-763 гг.), где уйгуры сыграли решающую роль в разгроме мятежных армий наследников Ань Лушаня, Бёгю-каган получил почётный титул *ин-и цзянь-гун* 'мужественный, справедливый, доблестный'. [19] В тюркской версии Сэврэйской надписи (763 г.) этот титул сокращён и передан как личное имя: Инги. [20]

В походе 762 года Бёгю-кагана сопровождала его старшая жена; в Тан шу упомянута часть её тюркского титула: Бильге-катун. [21] Она была дочерью героя войн с Ань Лушанем, виднейшего танского военачальника Хуай-эня, выходца из княжеского дома племени бугу, принадлежащего, как и уйгуры, к племенному союзу токуз-огузов. В 768 году она умерла, после чего каган женился на её младшей сестре. [22]

В 763 году Бёгю-каган сделал манихейство государственной религией Уйгурского каганата. В укреплении и распространении новой веры ему оказали помощь согдийские проповедники, вывезенные из Лояна и Чанани, и тюркские манихейские общины Восточного Туркестана. Среди древнеуйгурских манихейских текстов, обнаруженных в Турфанском оазисе, сохранились два рукописных фрагмента, где упоминается Бёгю-каган. Одни из них (Т. II. Д. 135) содержит наиболее полный и пышный вариант титула кагана, свидетельство его высочайшего престижа в манихейской среде Центральной и Средней Азии: uluy ilig tenride qut bolmuš erdenin il tutmuš alp qutluuy külüg bilge uγur qaγan zahag-i mani. [23] Последние два слова — средне-персидские и означают «эманация Мани» (так у Ф. Мюллера) или «потомок Манн» (консультация В.А. Лившица). Второй текст (ТТ. 276а) содержит описание манихейским клириком встречи и беседы Тенгрикен Бёгю-кагана (так он именуется в документе) с динтарамн, аристократией манихейской общины, а также самого акта провозглашения манихейства государственной религией в каганате. [24]

В 765-766 годах состоялся четвертый поход в Китай. Уйгурами командовал младший брат Бёгю-кагана, Алп Улуг-тутук Яглакар. [25] В Терхинской надписи он именуется Алп Ышбара-сенгун Яглакар (стк. 7). Согласно степному обычаю, именно он унаследовал отцовский очаг и главенство в роду Яглакар; поэтому родовое имя сохранено и в китайской, и в тюркской записи его изменившегося за девять-десять лет титу- (83/84)

ла. Уйгурское войско пришло в Китай для помощи поднявшему мятеж Бугу Хуай-эню, тестю Бёгю-кагана. Однако, в ходе кампании, после смерти Хуай-эня, уйгуры повернули фронт и оказали решающую поддержку танским войскам в битве с другими союзниками Хуай-эня — тибетцами.

В течение последующих двенадцати лет танский двор безропотно нёс немалые материальные тяготы и терпел политический ущерб во имя сохранения мирных отношений с уйгурами. Лишь в 778 году уйгуро-китайские отношения обострились. В следующем году Бёгю-каган стал жертвой мятежа в своей ставке. Мятеж возглавил самый влиятельный его сановник — Тон бага-таркан. В Терхинской надписи он именуется «глава внутренних буюруков Ынанчу бага-таркан» (стк. 6). Тон бага-таркан возглавлял антиманхейскую оппозицию при уйгурском дворе и пользовался поддержкой Китая. [26] В числе убитых во время мятежа вместе с Бёгю были два его сына, ближайшие советники и много согдийцев, вероятно, манихейских священнослужителей из окружения кагана. Сам Тон Бильге-таркан был провозглашён Алп Кутлуг Бильге-каганом (780-789 гг.). Так завершилась жизнь третьего уйгурского кагана из рода Яглакар, первым манифестом которого была Тэсинская надпись.

По аналогии с инициальными строками обоих памятников Элетмиш Бильге-кагана, начало первой строки Тэсинской надписи можно реконструировать следующим образом: [teŋride qut bolmyš el tutmyš alp qutluŋ külüg bilge (bögü?) qaŋan... bilge qatun qaŋan ataŋ qatun ataŋ atanur...]. Если разрушенная дата в стк. 12 обозначала год возведения Бёгю-кагана на престол, то ее возможная реконструкция [toŋuz] jyl[qa]... 'в год свињи' (759 г.). По-видимому, этими двумя гипотетическими реконструкциями исчерпываются в настоящее время возможности восстановления разрушенной части преамбулы Тэсинского памятника.

Центральная часть надписи, наибольшая по объёму (стк. 7-18), посвящена историческому прошлому уйгурского эля, а вернее, царствовавшем в прошлом уйгурским каганам, от «сотворения мира» до предшественника Бёгю, Элетмиш Бильге-кагана. В Тэсинской надписи нет упоминания или, по крайней мере, развёрнутого изложения событий последней войны с тюрками, что составляло основную часть повествования обеих надписей Элетмиш Бильге-кагана. Однако скрытая полемика с камнеписными декларациями тюркских каганов об их историческом праве на господство в степи совершенно очевидна, в противоположность утверждению тюркского Бильге-кагана (памятники в честь Кюль-тегина — большая надпись, стк. 1-3 и Бильге-кагана — большая надпись, стк. 3-5), об изначальном господстве «мудрых и мужественных» тюркских каганов над «сынами человеческими», в Тэсинской надписи утверждается изначальное господство (от сотворения мира?) «мудрых и великих уйгурских каганов» (стк. 7). Реальная глубина исторической памяти уйгурского историографа опирается на традицию, по крайней мере двухсотпятидесятилетней давности.

По периодизации автора Тесинской надписи, первое царство, которым правили уйгурские каганы, просуществовало триста лет, после чего погибло. Его сменило второе уйгурское царство, просуществовавшее восемьдесят лет (десять и ещё семьдесят, стк. 11). Оно также погибло. Образование нового уйгурского царства связано с именами Кюль-бег-бильге-кагана (стк. 18) и Элетмиш Бильге-кагана (стк. 12). В очень кратком и очень разрушенном «историографическом» разделе Терхинской надписи, повествующем о древней истории уйгурских (84/85)

царств (стк. 16-19), упоминаются три кагана, которые «двести лет на царстве сидели» (стк. 16). Имена двоих сохранились — Иолыг-каган и Буман-каган (первым каганом тюрков также был, судя по орхонским памятникам, Бумын). Потом древнее уйгурское царство погибло. Через какое-то время его сменило второе уйгурское царство во главе с каганами, которых Элетмиш называет «мои предки» (стк. 18). Оно просуществовало восемьдесят лет. Третье уйгурское царство возникло, согласно Терхинской надписи, благодаря подвигам Элетмиш Бильге-кагана.

Надпись из Шине Усу (северная сторона, стк. 2-4) сохранила в «исторической» преамбуле упоминание о двух эпохах господства над уйгурами иноплеменников; первая эпоха длилась сто лет, а вторая — пятьдесят лет: (3) sub ...nda qalmyşy bodum on ujuur toquz oğuz üzä jüz jyl olurup (olurmyş?)... 'над народом, что остался при (?) реке, над он-уйгурами и токуз-огузами они сто лет царствовали'; (4) türk [qy]bčaq (?) elig jyl olurmyş 'тюрки и [кы]пчаки (?) пятьдесят лет господствовали'. [27] К сожалению, стк. 3-4 в этой надписи особенно сильно пострадали от разрушения. Сомнительна интерпретация текста в стк. 3. Дж. Гамильтоном, [28] согласно которой он-уйгуры сто лет господствовали над токуз-огузами. Слова üze... olurup относятся ко всей предшествующей части фразы и поэтому более оправдано предположение Г.И. Рамstedта о том, что здесь были упомянуты какой-то народ или династия, царствовавшая в прошлом над уйгурами и огузами сто лет. [29] Возникновение последнего уйгурского царства надпись из Шине Усу связывает с деяниями Кюль-бильге-кагана (Тесинская надпись, стк. 5: Кюль-бег-бильге-каган) и его сына, Элетмиш Бильге-кагана, чьей эпитафией и была надпись Селенгинского камня.

Сопоставление всех трёх повествований позволяет следующим образом обрисовать общую концепцию древнейших уйгурских историографов: первое уйгурское царство, возникнув вскоре после «сотворения мира» (?), просуществовало двести (триста?) лет; центром его были Отюкенские горы (Хангай) и долина Селенги (или долина трёх рек — Селенги, Толы и Орхона). После крушения царства наступил столетний период упадка и иноплеменного господства. Затем, благодаря подвигам каганов из рода Яглакар, в особенности того (тех?), что правил первые десять лет, уйгурский эль был возрождён. Он просуществовал восемьдесят лет и погиб из-за внутренних распрей и смут, из-за «ничтожного Кюля» (имя кагана?), из-за предательства вождей бузуков и, в особенности, «двух именитых» — Беди Берсна и Кадыр Касара. Центром второго царства также был Отюкен. Упадок эля и господство над ним иноплеменников (тюрков и кыпчаков) длились пятьдесят лет. Наконец, Кюль-бег-бильге-каган и его сын Турьян, принявший тронное имя Элетмиш Бильге-каган, и третий раз возродили уйгурское царство в Отюкенских горах, в долинах Селенги, Орхона и Толы.

Таким образом, до образования последнего по времени уйгурского эля (742-744 гг.), авторы надписей сохраняли память о двух уйгурских царствах, просуществовавших 280 (380?) лет, двух периодах упадка и господства иноплеменников, длившихся 150 лет. Нельзя исключать, конечно, и того, что, как отмстил уже Л. Базен по поводу надписи из Шине Усу, приводимые в надписях сроки существования и упадка уйгурских царств весьма округлены. [30]

Сопоставление собственных представлений уйгуров восьмого века

(85/86)

об их древней истории с иными историческими свидетельствами должно стать предметом особого исследования. Здесь возможно лишь обозначить основные вехи истории тех племенных объединений, в которые входили уйгуры и где они играли главенствующую роль.

Уйгуры являются одним из древнейших тюркоязычных племенных союзов Центральной Азии, генетически связанным с позднегуннскими государствами. [31] В III-IV веках уйгуры входили в племенное объединение, именуемое в китайских династийных хрониках «гаогюй» (букв. 'высокие телеги'). [32] Они успешно противостояли попыткам императоров из династии Тоба Вэй и каганов жужан подчинить себе их племена. В конце V века, воспользовавшись ослаблением жужан, гаогюйский правитель Афучжило и его брат Цюнци приняли титулы «Сын великого неба» и «наследный государь», то есть присвоили себе каганскую титулатуру. [33] Они утвердили господство гаогюйских племён над Северной Монголией и успешно соперничали с жужанами в борьбе за власть над оазисами Таримского бассейна (Восточный Туркестан). В начале VI века потомкам основателей династии пришлось выдержать не всегда успешную борьбу с эфталитами, жужанами и табгачами (Тоба Вэй). В V веке их племенной союз стал именоваться в китайских источниках «теле» (< тюрк. * tegreg 'телега, повозка'). [34] Название «тележники», очевидно очень древнее, по-видимому, не было их самоназванием и пришло в китайские хроники из языка соседних с теле племён. Значительная группа племён теле мигрировала на запад в степи Юго-Восточной Европы и на Северный Кавказ, но большая часть осталась в Центральной Азии. После возникновения Тюркского каганата племена теле вошли в его состав, но, примерно с 600 года и до падения первого Тюркского каганата (630 г.), теле почти непрерывно поднимали мятежи против тюркских каганов. [35] В 605 году, после предательского избиения западнотюркским Чурын-каганом нескольких сот вождей теле, часть их племён, утвердившись на Алтае и в Восточном Туркестане, выдвинула своего вождя, принявшего титул «бага кагана». Другие племена во главе с вождём уйгуров ушли в Северную Монголию, где создали обособленную племенную конфедерацию, получившую в китайских источниках название «девять племён». [36] В рунических надписях они известны как токуз-огузы. С этого времени, в особенности после 630 года, токуз-огузы фигурируют в китайских источниках как заметная политическая и военная сила. Между 630-646 годами вожди уйгуров и вожди племени сеяньто соперничали за власть в Северной Монголии. В 640 году сеяньто были разгромлены, и уйгуры во главе с родом Яглакар стали правящим племенем токуз-огузов. Ставки их вождей, принявших титул каганов, были на Толе и Селенге.

Об одном из уйгурских вождей этого времени (около 647 г.) китайская хроника сообщает: «Тумиду всё же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими (должностями)». [37] Танское правительство не признало государство токуз-огу-

(86/87)

зов. Более того, в 660-663 годах между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победы. Конфликт был урегулирован мирными средствами. [38]

В 688 для 689 году войско возродившегося Тюркского каганата нанесло в битве на Толе решающее поражение токуз-огузам. [39] Их вождь, Баз-каган, был убит, а его балбал украсил в 692 году погребальный комплекс тюркского Ильтериш-кагана. Второе государство уйгуров (токуз-огузов), просуществовавшее в Северной Монголии около восьмидесяти лет, было разгромлено и токуз-огузы стали вассалами тюркских каганов.

Лишь часть токуз-огузских племён, не желавшая примириться с господством тюрков, ушла в низовья Эцзингола и, признав танский протекторат, поселилась в Ганьчжоу и Лянчжоу (Ганьсу). [40] Именно эти племена по главе с Яглакарами выдвинули в начале 40-х годов VIII века, через полвека после падения государства Базкагана, вождей нового уйгурского эля, о которых повествуется в стк. 12-18 Тэсинского памятника.

Заключительная часть Тэсинской надписи (стк. 19-20), как бы продолжая после стк. 6 повествование об интронизации и первых деяниях Бёгю-кагана, сообщает об учреждении им ставок в Касар Коруге (Касар Кордан надписи из Шине Усу?) и Эльсере. Далее упоминается сам акт интронизации, в котором принимали участие «девять буюруков», «мои уйгуры» и именитые (аналогичные формулы сохранились в Терхинской надписи, стк. 28-30). Упоминается, что в западной ставке ко времени создания Тэсинской надписи каган провёл «(одно) лето». Никакие другие действия Бёгю-кагана в надписи сколько-нибудь заметного отражения не получили. Поэтому с достаточной долей уверенности памятник можно датировать началом времени правления Бёгю-кагана, скорее всего 761-762 годами.

Повествование в сохранившейся части Тэсинской надписи всюду ведётся только от лица автора, очевидно близкого родственника Элетмиш Бильге-кагана.

Транскрипция

Западная сторона

- (1) .... (строка полностью разрушена)
- (2) .... jyl[qa] ... (разрушены 42-43 знака) ....
- (3) .... myš ay[ynturty] ... (разрушены 40-42 знака) ....
- (4) .... ayunturty ujyur qanym tuttuqda ... (разрушены 7-8 знаков) .... [taqu]yu jyl[qa] ... (разрушены 5-6 знаков) .
- ...
- (5) .... [el]etmiš qanym jasy tegip učdy oylı jabıum qaıan bolty
- (6) .... [o]lurty oylı tarduš jabıu töliš čad olurty qanym el tutmyš

Северная сторона

- (7) .... [ö]ŋre qylyntuqda ujyur qaıan olurmyš bükü uluy qaı[an] [ermiš]
  - (8) .... u olurmyš byŋ eli üç jü jyl el tuımyš ančyp boduny b[ardy]
  - (9) .... myš buzuq bašyn qyza učuz küł eki atlyıyn tüke bar[myš]
  - (10) .... [b]edi bersil qadyr qasar anta barmyš ol bodunym keŋ kerišdi
  - (11) .... [öŋ]re tabıaçqa qyza synmyš ujyur qaıan on jyl oltırmıš jetmiš jyl er[miš]
- (87/88)

Восточная сторона

- (12) . . . da teŋride bolmyš el elmiš ujyur qağan olur[myš]
(13) . . . ermiš qağan . . . (разрушены 3-4 знака) . . . eki(?) ermiš antadan öd kenč qağan ermi[š]
(14) . . . üçün otuz . . . (разрушено 4-5 знаков) . . . el tut[dy]ančyr jasy tegdi
(15) . . . teŋride bolmyš el etmi[š] qağanym olurly el tutdy
(10) . . . I qağanym belgüsin üçün öŋre küntoysuqdaqy bodun[qa]
(17) . . . [b]ol qyū aja bašy olurtmyš . . . (разрушено 18-20 знаков).

Южная сторона

- (18) . . . (разрушено 18-20 знаков) . . . kül beg bilge qağan
(19) . . . zig qasar qoruy qonty čyt likdi örgin jaratdy jajla[dy]
(20) . . . elser ilgerü qonly belgüsin bitigin bu urty bu jaratdy
(21) . . . lig . . . ar [t]oquz bujuruq . . . (разрушено 4-5 знаков) . . . yuq ujyurym taj
(22) . . . (строка полностью разрушена) . . .

Перевод

- (1) (строка полностью разрушена),
- (2) . . . в год . . .
- (3) . . . был поднят (на войлоке, то есть возведён на трон) . . .
- (4) . . . был поднят (на войлоке). Когда мой уйгурский хан правил (элем) . . . в год курицы . . .
- (5) . . . Мой Элетмиш-хан умер, (душа его) улетела. Его сын, мой ябгу, каганом стал.
- (6) . . . на царство сел. Сыновья его стали (один) — ябгу тардушей, а (другой) — шадом телисов. Мой хан элем правил (или: Мой хан Эльтутмыш);
- (7) . . . Когда, в прежние времена, были сотворены (или: возникли) . . . уйгурские каганы на царство сели, (они были) мудрые и великие каганы.
- (8) . . . они на царстве сидели. Триста лет множеством (букв.: тысячью) своих элей они правили. Потом их народ погиб.
- (9) . . . Став мятежным из-за (наущений) вождей бузуков (их народ?) погиб, из-за (подстрекательства) ничтожного Кюля и двух именитых (их народ?) погиб.
- (10) . . . Беди Берсил и Кадыр Касар тогда погибли. Тот мой народ затевал многие (междоусобные) распри и ссоры.
- (11) . . . В прежние времена, восстав на табгачей, они были разбиты. Уйгурские каганы десять лет (тогда) царствовали. (Потом) ещё прошло семьдесят лет.
- (12) . . . Неборождённый Элетмиш уйгурским каганом на царстве сидел.
- (13) . . . был. Каган . . . двое (?) были. После этого Од кенч каганом стал.
- (14) . . . из-за . . . тридцать (лет) элем правил. Потом он умер.
- (15) . . . Мой неборождённый Элетмиш-каган на царстве сидел, элем правил.
- (16) . . . Ради (прославления) своего герба (знака) мой каган, на народы, что живут впереди, в стороне солнечного восхода, (пошёл походом?).
- (17) . . . вознося хвалу, его посадили главою (эля) . . .
- (18) . . . Кюль-бег-бильге-каган . . .
- (88/89)
- (19) . . . он поселился в Касар Коруге, поставил чыт, воздвиг ставку. (Там) он провёл лето.
- (20) . . . На востоке, в Эльсере (?) он поселился. Свои знаки и свои письма так повелел выбить, так соорудить.
- (21) . . . девять буюруков . . . мои уйгуры, Тай . . .
- (22) (строка полностью разрушена).

Примечания

Стк. 3: о выражении «поднять ханом» и об обряде интронизации у древних тюрков по степному обычаю (поднятие бегами хана на белой кошме) см.: А.Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.-Л., 1958, стр. 95, прим. 115. Глагол *aýndyg-* 'заставить подняться', 'вознести', см.: K. Grünbech. *Komanisches Wörterbuch*. København. 1942, стр. 29.

Стк. 4: год курицы — 767 г.

Стк. 5: *jasy teg-* 'умирать'; ср.: ДТС, стр. 214, s. v. *jas*.

Стк. 6: *čad* 'шад', ср. Терхинская надпись, стк. 13.

Стк. 9: а) *buzuq başy* 'вожди бузуков'. Деление огузов (токуз-огузов) на бузуков и учуков до сих пор зафиксировано только в «Легенде об Огузе» и зависимых от неё текстах; ср. В.В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сочинения. т. II. ч. 1, М., 1963, стр. 577-578; А.Н. Кононов. Родословная туркмен, стр. 90-91; О бузуках и учуках по сведениям мусульманских авторов см.: С.Г. Агаджанов. Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад. 1969, стр. 103; б) *qyz-* 'краснеть', 'багроветь', 'разъяриться'; в контексте Терхинской и Тэсинской надписей этот глагол, очевидно, следует переводить «становиться буйным, мятежным» и рассматривать как термин, указывающий политическое состояние.

Ст. 10: а) *keŋ* в значении «вражда», «ненависть», «злоба». См.: А.Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. Л. 1980, стр. 182, § 325; б) Беди Берсил и Кадыр Касар, ср.: Терхинская надпись, стк. 17, где оба имени упомянуты в обратном порядке; тем самым косвенно подтверждается первоначальная атрибуция обоим имён.

Стк. 12: здесь полный титул Элетмиш Бильге-кагана несколько отличается от его титула в первых строках Терхинской и Селенгинской надписей: вместо *bilge* этническое имя *ıjuŋ*.

Стк. 13: имя кагана *öd kenč* не отождествляется по письменным источникам. Сопоставление с *idi kenč* (Идигянь, дотронное имя Бёгю-кагана, см. выше) указывает лишь на общность ономастической модели. По консультации С.Е. Яхонтова, имя *öd kenč* могло быть прообразом китайской транскрипции имени первого кагана второго уйгурского царства Тэгянь-сыгина (у Н.Я. Бичурина ошибочно Ши-гянь-Сыгинь, ср.: Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.-Л., 1950, стр. 302: «народ ещё Шы-гяиъ-Сыгина объявил своим государем»). В этом случае в транскрипции опущены начальный гласный и последний слог: [ü]dgän[č]. Ср. позднюю (X в.) китайскую транскрипцию слова *kenč*: J.K. Hamilton. *Les Ouighours...*, стр. 138.

Стк. 19: qasar qoquq, название западной ставки Бёгю-кагана; по всей вероятности, соответствует названию qasar qordan в надписи из Шине Усу, см.: С.Г. Кляшторный, Терхинская надпись, стр. 87, 90, 94. Очевидно, эта ставка, основанная ещё Элетмиш-Бильге-каганом, тождественна городищу Пор-Бажын на оз. Тере-холь (Тувинская АССР); как показали раскопки С.И. Вайнштейна, Пор-Бажин является разрушенной дворцовой постройкой уйгурского времени; исследователь правильно предположил, что дворец мог принадлежать Баяичору (Элетмиш Бильге-кагану), см.: С.И. Вайнштейн. Древний Пор-Бажын. — «Советская этнография», 1964, № 6, стр. 113-114. Слово qoquq в нарицательном значении «охраняемое, заповедное место», см.: G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. III. Wiesbaden. 1967. стр. 451-152.

Стк. 20: elser (?) — название восточной ставки Бёгю-кагана, в других памятниках не упомянуто.

Стк. 21: toquz bujuruq 'девять буюруков'. Ср.: Терхинская надпись, стк. 6: «великих буюруков девять было»; по свидетельству Тан шу уйгурский хан имел «шесть внешних министров и трёх внутренних» (Н.Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 305).
(89/90)